

ПОБЕРЕЖНИКОВ И. В.

**ИСТОЧНИКИ ПО МАССОВЫМ ВЫСТУПЛЕНИЯМ
КРЕСТЬЯН УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVIII в.**

Неотъемлемым аспектом социальных отношений на Урале и в Западной Сибири в XVIII в. был массовый крестьянский протест. Крестьянские движения вызывались разнообразными причинами и поводами: ростом экономического угнетения, произволом и злоупотреблениями казенной и частновладельческой администрации, понижением сословно-социального статуса, религиозными притеснениями, «вольнолюбивыми» слухами о «милостивых указах», «царях-избавителях». Различными по масштабам и интенсивности были проявления этих протестов: самостребления, волнения, вооруженные восстания, крестьянские войны. Протесты крестьянства Урала и Западной Сибири при этом оказывались тесно связанными, что объяснялось соседством регионов, чересполосицей административного управления Уралом и Западной Сибирью, спецификой расположения заводов (Урал) и приписанных к ним селений (Зауралье), владельческих вотчин церкви (в основном — Зауралье), едиными для Урала и Сибири центрами старообрядчества.

Целый ряд массовых крестьянских выступлений захватил как Урал, так и Сибирь. При этом крестьяне Зауралья обычно выполняли роль связующего звена между крестьянством Урала и Западной Сибири. Выделяются массовые движения уральских и сибирских крестьян против приписки в первой трети XVIII в., волна мощных волнений и восстаний приписных, монастырских, казенных крестьян в 1750 — 1760-е гг.; восстания населения Урала и Западной Сибири в период Крестьянской войны 1773 — 1775 гг.; упорное сопротивление урало-сибирского старообрядчества натиску со стороны казенной церкви и крепостнического государства на протяжении 1720 — 1780-х гг.; вновь нарастающий с 1780-х гг. массовый протест приписных крестьян на Урале и на юге Западной Сибири — в ведомстве Колывано-Воскресенских горных заводов [1; 4; 5; 7; 9; 10; 11; 12; 14; 15; 17; 18; 20].

При всех своих издержках — отсутствие конструктивного плана преобразований, тупиковость отдельных форм, обычная сиюминутность требований, неоправданная порой жестокость и

разрушительность — массовые выступления крестьян явились важным фактором в регуляции социальных отношений, устанавливая такой баланс между претензиями эксплуататорских слоев и возможностями эксплуатируемых, который позволял, по меньшей мере минимально, осуществляться историческому прогрессу и предотвращал социально-государственный организм от полного хирения и распада.

История массовых выступлений крестьянства Урала и Западной Сибири нашла отражение в многочисленных источниках, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов (Госархив, фонды Сената, Берг-коллегии, следственных комиссий, местных административно-полицейских учреждений), Центральном государственном военно-историческом архиве (фонды Генерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной коллегии и Военской экспедиции военной коллегии), Госархиве Свердловской области (фонды Уральского горного правления, Екатеринбургской конторы судных и земских дел, Екатеринбургского духовного правления, Оренбургского горного начальства, заводоладельцев Демидовых и др.), Госархиве Тюменской области (фонды Тюменской воеводской и комендантской канцелярии и Тюменского земского суда), Тобольском филиале Госархива Тюменской области (фонд Тобольской духовной консистории), Госархиве Алтайского края (фонды Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, Горной экспедиции Колыванской губернии, С. И. и Н. С. Гуляевых), Госархиве Омской области (Военно-походная канцелярия командира Сибирского корпуса, фонд Г. Е. Катанаева), Госархиве Новосибирской области (фонды Сузунской горной конторы и Чаусской судной конторы).

Среди привлеченных автором документов необходимо выделить разновидности, созданные самими участниками протеста. Известно, что в ходе восстания 1733 — 1775 гг. повстанческий центр производил и интенсивно тиражировал для распространения в массах манифесты и указы «Петра III», повстанческой «Военной коллегии». Местные власти и учреждения восставших также продуцировали немалый по объему документальный материал — приказы, послания, известия, объявления, письма, наказы, предложения, наставления, расписки, ордера, проезжие грамоты, билеты. Данные материалы отчасти опубликованы [6]. Тем более интересны документы восставших, не вошедшие в сборники.

В ГАОО хранится неизвестная копия манифеста «Петра III» от 2 декабря 1773 г. [31. Л. 364]. Копия эта была изъята секунд-майором К. фон Трейблутом у крестьян зимовья Дубровного в конце марта 1774 г. и представлена в Курган секунд-майору Е. Ф. Эртману [31. Л. 371 — 371 об.]. Если судить по прочим документам восставших, захваченным Трейблутом одновременно с манифестом, то последний был отправлен крестьянам зимовья

Дубровного известным пугачевским атаманом — руководителем восстания в Ялutorовском и Куртамышском ведомствах — Семеном Новгородовым в агитационных целях.

Манифест 2 декабря был написан в Бердской слободе под Оренбургом и широко распространялся вплоть до появления Июльского манифеста 1774 г. Составители сборника «Документы ставки Е. И. Пугачева...» насчитали 35 списков манифеста. Манифест от 2 декабря 1773 г. был достаточно типичным для первого этапа движения Е. И. Пугачева. Как отмечает Р. В. Овчинников, «манифест 2 декабря основным содержанием своим был направлен на доказательство истинности «Петра III», на укрепление его самодержавного авторитета. Социальное звучание манифеста было явно приглушено... Это, впрочем, не мешало народу воспринимать обещание манифеста 2 декабря о пожаловании подданных за покорение «Петру III» «всякую вольностью отеческою», как провозглашение отмены прежних крепостнических порядков и предоставление трудовому населению различного рода свобод и экономических благ [13. С. 82 — 84; 6. С. 36, 37, 380 — 383].

Ценную информацию о формировании армии восставших, об организации службы повстанцев содержат приказы и наставления местных пугачевских атаманов — в частности, два приказа и наставление атамана С. Новгородова на имя сотника И. Мякина и приказ атамана Т. Макарова старшине С. Пестреву [31. Л. 364 об. — 365].

В одном из приказов С. Новгородова содержится предписание о мобилизации в выписные казаки. В «наставлении» подробно описывается порядок несения караульной службы повстанцами — «находится на двух станках, на Дубровном и Саламатовом зимовьях. Сотникам иметь крепкое и надежное смотрение в линейную сторону и учредить крепкия пикеты. На горном озере быть пяти человекам — в двой сутки смениться; и при деревни содержат караул же; на Соломатном со степную сторону в десяти верстах караул чтоб был неотменно. А что буде происходить впредь будет от злодеев, какие партии усмотрено будет, то неотменно в команду репортоват» [31. Л. 364 об.].

Почти все распоряжения пугачевских атаманов об организации воинской службы сопровождаются перечислением санкций против уклоняющихся от службы, противящихся исполнению приказов — «и естли какой от вас исправности не будет и старание, и после от нас усмотрено будет, неминуете штрафу и смертной казни», «а кто буде противство будет чинит, таковых нарушителей везать руки на опоку и ноги в кандалы крепкия закрепит и выслать в главную команду». Подобные предписания свидетельствуют не только о влиянии языка официальных документов на результаты повстанческого бумаготворчества, но и о стиле руководства восставших, об определенных трудностях, с которыми сталкивались пугачевские атаманы на местах —

мобилизованные крестьяне, очевидно, не всегда желали уходить далеко от родных селений.

Некоторую информацию о компетенции руководителей восстания несут сохранившиеся подорожные грамоты или «пашпорта», которые выдавались крестьянам, вынужденным передвигаться из одной местности в другую. 22 марта 1774 г. в Тамакульской слободе были задержаны два человека, у которых отобрали «письменные пашпорты от злодейской партии». Оба документа оказались подписанными походным есаулом Прохором Пестеревым, который руководил осадой повстанцами Далматовского монастыря: 1) на имя крестьянина дер. Осиповец села Семьинского Юрьевской провинции Я. С. Гарашина; 2) на имя крестьянина села Иванова Суздальского уезда И. П. Кротова. В обоих документах — «пашпортах» сообщалось, что крестьяне находились в монастырском ведомстве «для пропитания черной работой» с печатными покормежными грамотами, когда-то выданными им провинциальными канцеляриями; в данный момент он, есаул П. Пестерев, прекратил действие старых покормежных и отпустил крестьян «для пропитания». Наконец, в «пашпортах» имелось предписание — «в лежащем тракте господам командующим на заставах и разъездах до утвердительно Его Величеству указу посему для пропитания показанному крестьянину... чинить свободный пропуск» [35. Л. 14 — 15].

Типологически сходный документ — подорожная грамота, выданная есаулом П. Пестеревым крестьянину села Рыбная слобода Казанского уезда М. Иванову, приводится в сборнике документов «Документы ставки Е. И. Пугачева...» [6. С. 279].

При анализе «злодейских пашпортов» бросается в глаза то, что по крайней мере в сознании руководителей восстания не фиксировался четкий разрыв с предшествующей административной и правовой практикой. Они выступали как правопреемники, признавая прежние юридические документы, в частности, печатные покормежные грамоты провинциальных канцелярий.

К сожалению, немногие документы восставших дошли до нас в подлинниках и даже копиях. Поэтому серьезное внимание уделяется и документам, о содержании которых мы можем судить только по пересказам участников протеста или представителей официального лагеря. Так, с одним из указов пугачевской «Военной коллегии» познакомился вопреки своему желанию сержант Чернышков. Получив инструкцию Куртамышской управительской канцелярии о разведке дислокаций восставших, сержант Чернышков с группой выписных казаков из крестьян села Таловского доехал до деревни Масли, где у ворот скотского выгона нашел крестьянина, как впоследствии сообщал сержант, «не знаю какова, но только слеп и стар». На вопрос Чернышкова — «нет ли в их деревни злодейской толпы» — старик ответил отрицательно. Но, въехав в деревню, команда Чернышкова столкнулась с сотней «оружейных крестьян», как

оказалось, «злодейской известного вора Пугачева толпы». Пугачевцы разоружили сержанта и заставили его прочесть имевшийся у них указ. Вот как описан последний Чернышковым: «который писан, якобы он из государевой военной коллегии, подписанной Иваном Твороговым, в такой силе: хотя де по прозрам ему Твороговского (? — И. П.) Курганского и Куртамышского дистриктов подписанных присланных от оных ходотайцев доношениям и соболезнует та коллегия о разорении жительство, о убивстве людей и что де хотя те нарочныя присланныя и просили о защищении тех жительство команды, но только де за имением нужных дел в той коллегии того исполнить ныне не можно, а предписала то, чтоб те слободы возымели терпение и содержали о называемого за истинного Государя, появившаго в злодейской толпе Петра Третьяго, что он самой настоящей император и до времени б ево прибытия оныя слободы помнили б милость ево и что он тем слободам обещает защищение, на коем указе положена печать, зделанная ис красного сургуча патретом, в котором значит лицо одутловатое, нос прямой, снизу широкое, а вверху тонковатое борода и в шапке — круглая, казачья, вокруг написано: Его Императорского величества Петра Третьяго патрет» [31. Л. 733 об.— 734].

Лейтмотив указа «Военной коллегии» — призыв к крестьянам опереться на собственные силы, не утрачивая, однако, надежды на «защищение» со стороны «Петра Федоровича», — вполне объясним. Пленение сержанта Чернышкова произошло в мае 1774 г. Положение главной повстанческой армии было трудным, крайне неустойчивым после серьезных поражений марта — апреля. 21 мая Пугачев потерпел неудачу под Троицкой крепостью от войск генерал-поручика И. А. Деколонга. Через два дня верх над повстанческой армией одержал подполковник И. И. Михельсон — под Кундравинской слободой.

В пользу достоверности рассказа сержанта Чернышкова свидетельствует известный ранее указ «Военной коллегии» башкирским старшинам Магдею Менирову, Анту Сеитову и марийскому старшине Юкею Егорову приблизительно того же времени (июнь 1774 г.) и выдержанный в той тональности, что и приведенный выше, — «по присланным мы репортам своим просили силу и пушки, чего вам не дано, потому что против здешней армей и самим пушки недостаточны. А через сие повелевается, чтоб вам, приумножив промеж собою людей, и иметь стоять против неприятелей старание; и когда, собравшись в многолюдстве, будете вступать грудью, достаните и пушку» [6. С. 71].

Бесценным источником при изучении менее масштабных, нежели крестьянские войны, выступлений являются крестьянские челобитные, прошения, жалобы, в которых участники протеста излагали свои требования избавить от злоупотреблений со стороны казенной и владельческой администрации, отменить непо-

«сильные повинности, регламентировать и ограничить объем заводских отработок, изменить в соответствии с каким-либо «милостивым» указом сословно-социальный статус и т. д. [16; 32. Л. 1, 21—23; 34. Л. 109 об., 179]. При анализе челобитных и прошений необходимо учитывать «легалистский» склад психологии участников протеста (стремление изображать свои действия и требования как законные). Следствием последнего становится «легальный» фон практически каждого просительного документа, даже если для «легализма» нет никаких оснований в юридической реальности. Авторы обычно исходят из того, что: 1) необходимо реализовать какой-то имеющийся «закон», скрываемый до недавнего времени злонамеренными людьми; 2) необходимо устранить то, что делается вопреки «закону» и не имеет, таким образом, юридического «права на существование» [16. С. 75]. Подобная установка обуславливает односторонний подбор материала, доказательств, мотивировок.

Особенно выпукло «тенденциозность» крестьянской точки зрения проявляется в обрисовке событийной канвы волнений. Фрагменты челобитных, касающихся «остросюжетных» линий, полны умолчаний, искажающих картину исторической реальности. Составители прошений стараются не заметить атрибутов волнения: крестьянских «скопищ» с дреколем, рукопашных схваток, жертв со стороны усмирителей.

Часть исторической ткани как бы вырезается — остается лишь по преимуществу страдательная ее сторона (в этом плане документация противоположного лагеря служит существенным подспорьем).

Крестьяне сообщают, как их «безвинно мучат» военные и светские усмирители, сажают челобитчиков в тюрьмы, описываются опустошительные драгонады, предосудительная бездействие следственных комиссий и их потворство «хозяевам». Так, крестьяне Масленского острога писали: «Он же маеор Сухотин, видно с согласия реченного Демидова к работе на ево заводы принуждал насильством, подпискою и пристрастием, на то выставленными полку ево пушками», — по поводу действий следственной комиссии Сухотина на демидовских заводах [44. Л. 213 об.— 218; 14. С. 209 — 210].

Схватки крестьянских караулов (например, во время «Дубинщины», 1763 — 1764 гг.) с драгунами и монастырскими служителями изображались как самооборона от бесчинств, совершенно безвредная для нападающих. Официальные источники позволяют более реально оценить степень подобной безвредности [41. Л. 24 об.— 25, 136 об.— 137].

Экспертизы на достоверность требуют и канцелярско-писарские штампы, часто употребляемые в документах крестьянского производства: «пришли во всеконечное убожество и нищету», «многия и домишка свои покинули впусте», «напрасная мучительная волокита, а паче всекрайнее и немилостивое разоре-

ние» и др. На необходимость проверки челобитных, на декларативность указывает Н. Н. Покровский [19. С. 73 — 74].

Источником, дополняющим наши представления о процедуре челобитования, являются мирские выборы челобитников (или мирские приговоры, или «верющие письма» челобитчикам). Данным видом документов оформлялись выборы просителей. Формуляр мирских приговоров не был слишком жестким. Начинаясь документ обычно с даты и описания состава мирской сходки: «1761 года генваря... дня Соликамского и Чердынского уездов Верхусольского, Городищенского, Запотымского, Половодского и Верхязвенского станов государственные черносошные крестьяне, а именно Влас Трифанов, Евтихей Плотников, Григорий Анофриев, Андрей Шипулин, Юда Котелников, Иван Немтин... и все вышеписанных станов с нижеподписавшимися крестьяны дали сие верующее письмо»; «1764 году ноября 1 дня приписных жительств ко Авзянскому железному заводу дворянина Евдокима Никитыча Демидова железным заводам партичные выборные первой партии Гарасим Дементьев второй партии выборной Иван Сорвин третьей партии выборной Степан Ефимов десятники...»

Затем следовали имена выбранных челобитчиков: «Даң сей выбор села Булдыря крестьянину Филипу Самсонову, села Чистого поля крестьянину Леонтию Медведеву»; «и все той слободы крестьяне по добровольному своему мирскому согласию выбрали из своей братьи той же Камышевской слободы крестьян людей добрых и правдивых Евсея Елтышева, да Петра Матафонова в мирские челобитчики». Формулы доверия — мотивации выбора именно данных лиц — могли существенно различаться или вообще отсутствовали.

Далее формулировалась задача челобитчиков, определялись границы их компетенции, излагалась суть просьбы (порой весьма пространно, фактически приближаясь к тексту самого челобитья — последнее весьма важно в тех случаях, когда сама челобитная утеряна): «ехать тебе в Москву и Санктпетербург для мирских наших потребностей и где принадлежит тебе о нашей обидах и ис тех вышеписанных жительств переселении и от дальнаго прохода ко оному заводу разорении на господина дворянина Евдокима Демидова в потребном же случае это за благо расудишь, о том подавать тебе прошение, по которому иметь ходатайство, и что потому воспоследует, то все мы, вышеписанные, ... приемлем, спорить и прекословит ни в чем не будем, якобы то мы все сами чинили...»; «по прибытии в Санкт Петербург в высокопривилегированный Сенат по изобретении пристойного времени подать и по оному старанию и о полезных способах ходатайствование вам, поверенным, образом приложить, и что при том учините, в том мы, именованные, прекословить ни в чем не будем власно, якобы мы то сами чинили».

Итак, челобитчики наделялись существенной компетенцией

в выборе места, времени подачи челобитных и даже в формулировании содержания последних.

Завершались челобитные обычно рукоприкладствами участников сходки или их заместителей [32. Л. 5—7; 33. Л. 81—82 об.; 34. Л. 184—185, 236—237].

Значительный интерес представляет переписка между крестьянскими «обществами» во время волнений, между челобитчиками и отправившими их мирскими организациями (в своих письмах крестьяне призывали к коллективному отпору, указывали на источники «оправдания» крестьянского протеста — «милостивые указы», «благие вести» и т. п.). Так, во время «Пугачевщины» староста Куртамышской слободы писал письмом старосте Каминской слободы М. Серебрякову, «чтоб он, Серебряков, со всеми крестьянами предался в подданство самозванца, которого они и называют государем Петром Третьим и Императором» [31. Л. 53 об.].

В ходе волнений 1797 г. в Кольвано-Воскресенском горном ведомстве крестьяне различных волостей пересылали друг другу копии манифеста 1779 г., который, по их мнению, оправдывал сопротивление властям, давали «юридические консультации». Особенной активностью отличались крестьяне Богородской волости, консультировавшие мирские верхи Нелюбинской и Уртамской волостей. В волостных судах были найдены уведомления из Богородского волостного суда, в которых указывалось принимать в расклад заводские работы только по одной душе, от «лишних душ» отказываться», «посылатца на милостивой Ея Императорского Величества манифест» [30. Л. 170 об.—172, 237—237 об.].

Активная переписка велась между мирскими организациями во время волнений приписного крестьянства Урала и Зауралья в 1760-е гг. (между Юрмытской, Куяровской, Угетской, Чубаровской слободами; перечисленными слободами и Масленским острогом и Барневской слободой; между Белослудской и Невьянской слободами; Аятской и Краснопольской слободами) [45, Л. 290; 46. Л. 666, 686 об., 688].

Источники, возникшие в среде участников крестьянского протеста, позволяют выявлять причины, поводы, мотивации выступлений, механизмы распространения протеста; степень мирской спаянности восставших; роль и значение в крестьянских движениях челобитования. Именно данные источники, в особенности — крестьянские челобитные и прошения, бесценный источник при реконструкции «видения» протеста самими его участниками, одной из противоборствующих сторон.

Среди документов официального происхождения выделяются законодательные акты. Большинство манифестов, именных и сенатных указов опубликовано в дореволюционных изданиях (Полное собрание законов Российской империи — в дальнейшем ПСЗРИ, Сенатский архив и др.). Данный тип источников

позволяет восстановить основные линии социальной (в отношении крестьян), карательной политики, представить взгляд на протест с самой верхушки социальной и бюрократической пирамиды.

Немалую ценность для историка законодательные источники представляют как звенья правового барьера, установленного на пути социальных движений. Далее динамика карательного законодательства «отраженным светом» характеризует динамику крестьянского протеста (приливы-отливы, интенсивность протеста), веер его форм и проявлений (симптоматично, что именно в 1750—1760-е гг. появилось множество указов против «слухов», подложных «указов») [21. С. 793; 22. С. 154—155, 252—253, 1045—1047; 23. С. 10—11, 112—113, 393—395, 600, 644—645; 24. С. 671].

Царские и сенатские указы и манифесты служат еще одну службу в исследовании крестьянского движения. Они являются тем ортодоксальным эталоном, сравнение с которым крестьянских «милостивых указов» позволяет оценить степень расхождения между официальным и народным пониманием законности.

Наконец, законодательные материалы содержат и косвенные показатели эффективности крестьянской борьбы — уступки восставшим. Это — указы о секуляризации церковных имений и учреждении Коллегии экономики, отмене десятинной пашни в Зауралье в 1762 г., о регистрации заводских работ и повышении расценок за их использование [22. С. 910, 948—953; 23. С. 39—45, 134—135, 214—219, 549—565; 25. С. 822—824].

Основным источником при изучении массовых выступлений крестьян являются судебно-следственные дела, выразительную характеристику которых дал Н. Н. Покровский: «Судебно-следственное дело — комплекс типологически разнородных источников, подобранных по сравнительно однородной бюрократической схеме...» [18. С. 29—33].

При значительных нюансах композиция судебно-следственных дел приблизительно такова. Сначала — доносы представителей власти или челобитная самих «зачинателей» протеста. Затем — материалы следствия: допросы, очные ставки, жалобы крестьян, свидетельские показания «пострадавших»; иногда к делу прилагается экстракт (итоговый документ) резолюции по делу об исполнении решения. В судебно-следственные дела основательно вторгается побочная документация: справки, ведомости, реестры, законодательные акты, переписка карательных, следственных органов, вотчинной администрации и т. д.

Доносы агентов аппарата управления, «пострадавших» в результате крестьянских волнений, обыкновенно грешат абсолютизацией «инициативы» крестьянского протеста (опускаются все собственные «провокативные» действия и, в первую очередь, юридически не оправданные «излишества»; выступления в ре-

зультате рисуются вырастающими моментально, не имеющими потому смысла и оправдания). Доноситель непрочь преисполнить свое положение неизбежным трагизмом (если крестьяне будут их, то обязательно «на смерть»); назойливо выставляются физические последствия социальных батальей — «проломленные головы», «кروавые язвы», ко всему прочему — свидетельства служебного рвення их обладателей.

Не вполне доверяя искренности допрашиваемых участников волнений, следователи прибегали к пыткам, очным ставкам. Показательны разногласия в ответах, заперательства, пополнения показаний, существенно меняющие нарисованную ранее картину, отказы от данных уже показаний.

Так, государственный крестьянин В. Чюпин непредсказуемо заявил на очной ставке по поводу своих прежних показаний: «и таких слов он ... при оном распросе не говаривал, а тот первый распрос при прикладывании руки ему ... читан был ли, того он ... не упомнит» [43. Ч. 2. Л. 1013—1014].

Руководитель массового выступления крестьян Томского Богородице-Алексеевского монастыря Г. Пырсигов на вторичном допросе замечал: «А что же де на первом допросе ... заперся ... учинил, убоаясь за то возмущение телесного наказания» [37. Л. 3—3 об.].

«А что де в допросе своем показал, якобы крестьяне игумена заковать намерены были и по железа ево, старосту, посылали, также будто лошадей давать Василий Токарев с товарищи и с крыльца крычал,— сообщал в 1743 г. крестьянин Рафайловского монастыря С. Зотин,— и то показал напрасно, убоаясь вышеупомянутого игумена, и опасался того, чтоб впред какой нападки не было...» [36].

Сцены протеста, воссоздаваемые на основе крестьянских расспросов, оказываются в целом менее радикально окрашенными, чем это ожидалось бы, если исходить из доношений властей. Определенно ограничивается информативность допросов их тематической заданностью: классовое неправоудие дотошно выискивало обвинительный материал; причины выступления в слабой мере отражались допросами.

Выделяется еще одна разновидность материалов — канцелярские документы общего делопроизводства (распорядительная, отчетно-исполнительная, уведомительно-просительная и прочая документация). Канцелярские документы содержат сведения о ходе волнений, о карательной практике властей, о хозяйственных последствиях крестьянских неповиновений.

Официальная документация доносит серьезные трения между различными инстанциями управленческого аппарата, между «светской» и «духовной» командами. Карательно-полицейская миссия военно-бюрократических органов в 1760-е гг. (волнения приписных крестьян и крестьян духовных вотчин), 1780—1790-е гг. ослаблялась разногласиями между гражданской и

горнозаводской администрацией, а также духовными властями. Ситуация «наверху» в 60-е гг. XVIII в. была настолько напряженной, что канцелярия тобольского митрополита обвиняла «светскую команду» в пособничестве «бунтовщикам». Велась длительная междуведомственная полемика, в которой монастырские старцы буквально доказывали, что «заверзлые, презлые императорских ... повелений противники» куда как далеки от состояния кроткой послушности.

Концепция протеста, отраженная в официальной документации, узко примитивна. В поисках причин недовольства «власть имущие» обыкновенно не идут далее крестьянского «упорства», «скудоумия», «легкомысленного рассуждения», «мужищей ... неवेशской бустии».

Так, например, определяя смысл (вернее, бессмысленность) протеста, Шайтанская заводская канцелярия (1762 г.) отмечала: «в реченные заводы (крестьян Масленского острога и Барневской слободы, еще не вполне усмиренных.— И. П.) крайне опасно, дабы не произошло от них по ускоренившейся их чрезвычайной злости означенным заводам, от чего боже сохрани, бедственного и разорительного от огненного запаления приключения или не воспоследовало б другой какой нечаянной притчины и гибели; понеже они к таким вредительным случаям и к злости весьма легкомысленны...» [48].

Сибирская губернская канцелярия видела причину протеста крестьян Краснослободского дистрикта, приписанных к демидовским заводам, в «прежнем их легкомыслии и упорстве», «весьма закоснелом их упорстве и упрямстве» [32. Л. 105, 121].

Оренбургское горное начальство отмечало «зараженное в них (крестьянах, приписанных к Вознесенскому заводу.— И. П.) прежнее непослушание и примитивность и ко отбытию от заводских работ противное Его Императорского Величества указам намерение» [33. Л. 326 об.].

Крестьяне в вотчине Далматовского Успенского монастыря отказались от исполнения работ (1727 г.), по мнению тобольского митрополита Антония, вследствие «бездельного своего упрямства и гордыни» [8. С. 11—12; 10. С. 39].

По поводу крестьянских волнений 1781—1783 гг. на Алтае в «выписке Колыванской области казенного департамента 3-й экспедиции» имеется следующее определение: «Однако ж огурство подлаго народа, леность и врожденное в здешнем краю живущих своеволие зделало...» (далее следует изложение хода неповиновений.— И. П.) [29. Л. 69 об.— 70].

Сходные оценки содержатся и в официальной версии крестьянского протеста 1797—1798 гг. в Колываново-Воскресенском горном ведомстве. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства вынесла категорический вердикт: «А развратная жизнь нередко была причиною не только разнообразных непослушаний, делавших в работах помешательство, но и возму-

щений, приводивших заводы в остановку и разорение...» [27. Л. 178].

О причинах выступлений высказывается один из «горных начальников» — берггауптман Чулков: «не от недоразумения либо какова, а более от безрассудного их упрямства» [28. Л. 142].

Вотчинная администрация Тобольского митрополичьего дома (1762 г.) еще более примитивна. За прошлые провинности были наказаны не все — «от чего и в смеле находятся», — заключал управитель Усть-Ницынской слободы [38. Л. 42 об.].

Итак, официальная версия протеста — борьба бессмысленна, причины ее кроются в сфере психологии и даже биологии; самые прямодушные сожалеют о том, что мало в прошлом на крестьян извели палок — были бы послушнее теперь.

Официальная документация, в частности — судебно-следственные дела, позволяет не только восстанавливать внешнюю картину событий, но и доносит до нас некоторые биографические сведения об участниках массовых выступлений. Очевидно, колоритной фигурой был староста села Воскресенского П. Бухаров, возглавивший в 1760-е гг. протест крестьян. Огромный заряд доверия собратьев-общинников, неподдельная гордость крестьян своим мирским вожаком окружали старосту ореолом незыблемости и неприкосновенности со стороны врагов. П. Бухаров, приходя в «присудственную камору», дерзновенно садился за судейский стол, назывался «командиром», покрывал «матерною бранию и всячески» своих противников. Он же, как сообщали местные блюстители благочиния, «бив себя в грудь свою руками, проговаривает, что де он.., староста, один, и никто де ево пошевелить не может и не смеет, яко командир, и во всем де крестьян, что захочет, ему, Бухарову, послушны» [39. Л. 4 об.; 40. Л. 149 об.].

Крестьяне села Воскресенского, в свою очередь, поговаривали, «что им комиссар Богданов и прежде бывшие при канторе подьячие не надобны, да и иеромонаху де Вонифатию делать у них нечего, ибо де без них может де командовать и управлять мирской староста П. Бухаров» [39. Л. 4—4 об.].

Интересна судьба руководителя восстания крестьян Бердского острога в 1720-е гг: П. Соколова — талантливого организатора, непреклонного борца, познавшего опыт общения и с мирской аудиторией, и с мрачным персоналом карательных инстанций. Прокофий Соколов родился в Мурзинской слободе Тобольского уезда. В полторалетнем возрасте он потерял отца, не вернувшегося из поездки в улусы «черных калмыков» (джунгар). Впоследствии Прокофия неоднократно будет тянуть в чужестранные края. В пору годичного путешествия с посольством П. Вилякова ему даже удалось повидать отца С. Соколова (он же Мюар.— И. П.), обретшего новую семью и родину во владениях контайши.

Где-то на рубеже XVII—XVIII вв. П. Соколов был наказан кнутом и посажен в тюрьму за то, что «увел» у казачьего сотника С. Шипицина дочь — «девку» Аксинью.

Канун волнений бердского крестьянства П. Соколов с товарищем Филиппом Пахаруковым провели в южных окраинах — по рекам Алею, Чарышу, Аную. Схваченные на р. Кан подданными джунгарского князца Анбу, они бежали при первой угрозе встречи с земляками. Эти путешествия впоследствии окажутся счастливой находкой для кузнецкого коменданта — поводом для изоляции лиц, стоявших во главе протеста.

Организация жалоб на уездные власти, постоянное подогревание протеста — дальнейший путь П. Соколова, приостановленный в застенках Тобольска. Но даже жестокое наказание кнутом не поколебало внутренней убежденности и бунтарского духа бердского крестьянина, дерзновенно бросившего палачам: «Страждет де он ... напрасно и кровь проливает» [43. Ч. 1. Л. 11 об.—36 об., 49—53 об; Ч. 2. Л. 1035].

Судебно-следственные материалы позволяют восстановить некоторые черты биографии еще одного руководителя народных масс — крестьянина Томского Богородице-Алексеевского монастыря Григория Пырскова. В свое время судьба забросила его к томским староверам. Целую зиму он с пустынноиками (в пяти кельях обитали А. Токарев, Г. Попов и др.— всего человек десять) провел в лесах возле Мунгатского острога. Спокойное уединение, возможность пассивного мирозерцания не пленили Г. Пырскова. Несмотря на уговоры старообрядцев он покинул таежные дебри. Однако близость к раскольникам не минула даром для Г. Пырскова. Она укрепила в нем качества, необходимые для руководителя протеста: истую верность народным идеалам, живость и гибкость ума, непоколебимость в принципах и изворотливость в контактах с представителями власти. Вполне возможно, что обличительные заряды старообрядческого неприятия никонианской церкви воплотились в радикальные установки Г. Пырскова относительно Томской обители.

Обыск, произведенный в феврале 1761 г. монастырскими служителями, обнаружил у г. Пырскова миниатюрную библиотеку — пять тетрадок: 1) «суеверная, называемая свиток иерусалимский» (была списана Г. Пырсковым собственноручно лет десять до того у бывшего разночинца Ф. Черепанова); 2) «беседы ложные и баснотворные на имя трех святителей подписанные» (списаны лет 20 т. н. с книжки священника И. Пичегина, бывшего в Пачинском селе); 3) «запись суеверная дней счастливых и несчастливых, в которые Адам и его дети и протчие праотцы» (дал священник И. Пичегин); 4) «мужичьего изложения, о Адаме и Иоасафе царевиче, стихи и речи» (дали Г. Пырскову раскольники-пустынники в 1751 г.); 5) «волшебные блудные речи, чтобы к блудному греху женских лиц склонить» (эта книжица, полученная от поповского сына И. Хлы-

стова, находилась у Г. Пырскова более 30 лет), практика многократного обращения к ней убедила Г. Пырскова, что речи эти «несильные».

Таким образом, литературные интересы Г. Пырскова, ограниченные не слишком щедрыми возможностями проникновения книги в народную среду, были типичными для эпохи, когда сознание людей густо окутывалось мглой средневековых суеверий — репертуар чтения простирался от богословских трактатов до «приворотных речей».

Г. Пырсков по мере сил приобщал к книжной культуре односельчан. К нему не раз приходили люди, чтобы послушать чтение книг. Грамотность пригодилась Г. Пырскову для ведения делопроизводства протеста, чтобы квалифицированно разобраться в словесных хитросплетениях официальных указов, выявить в них «подлинный» смысл.

Когда в 1750-е гг. вотчинное крестьянство всколыхнулось против деспотичного настоятеля архимандрита Исайи, само собой получилось, что Г. Пырсков возглавил восстание. Уже тогда у него смутно вызревала мысль о незаконном характере владения монастыря крестьянами. Волна протеста смела одного настоятеля — слишком уж очевидно он дискредитировал монастырскую братию своими злоупотреблениями, да и его непомерные претензии задевали не только крестьян, но и монашествующих. Однако положение после этого мало изменилось.

Всплеск борьбы в 1761 г. вынес на гребень волны Г. Пырскова. Усмирение крестьян на этот раз завершилось арестом их вожака. Но ненадолго. Удачно бежав из-под присмотра не очень бдительных стражей, Г. Пырсков в 1763 г. снова оказался в гуще событий. Его изба стала сборным центром движения, Сам он был пламенным вдохновителем протеста [37. Л. 1—5 об., 15 об.—16; 42. Л. 23—30; 2. С. 74—81; 3. Л. 33—34].

Подведем некоторые итоги. В крестьянских допросах, челобитных острота протеста смягчается: восставшие изображаются стороной обороняющейся и, по возможности, страдательной. Документация официального происхождения очень неполна и недостоверна в той части, где описываются действия агентов аппарата управления. Отдельные типы источников страдают информативной односторонностью. И только комплексное использование документальных материалов позволяет восстановить правдивую картину массовых выступлений крестьян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969.
2. Беликов Д. Н. Старинные монастыри Томского края. Томск, 1898.
3. Беликов Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905.
4. Вагина П. А. Волнения приписных крестьян на Авзяно-Петровских

- заводах в 50—60-х годах XVIII в. // Уч. зап. Свердловского пед. ин-та. Свердловск, 1955. Вып. 11. С. 141—163.
5. Горбань Н. В. Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в. // Уч. зап. Омского пед. ин-та. Омск, 1949. Вып. 4. С. 75—193.
6. Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений, 1773—1774 гг. М., 1975.
7. Калюжный В. И. Антифеодальное движение горнозаводских рабочих Урала в 50—60-х годах XVIII в. (1754—1771): Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск — Пермь, 1964.
8. Каптерев Л. М. Дубинщина. Шадринск, 1929.
9. Кондрашенков А. А. Крестьянская война 1773—1775 гг. в Зауралье // Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974.
10. Кондрашенков А. А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. Курган, 1962.
11. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2; 1970. Т. 3.
12. Курышева Г. И. Новые источники по истории Крестьянской войны 1773—1775 гг. на Урале // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся на Урале. Свердловск, 1985. С. 30—43.
13. Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. Историко-ведческое исследование. М., 1980.
14. Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII в. (К вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979.
15. Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII вв.). Свердловск, 1987.
16. Побережников И. В. Источник по истории классовой борьбы в Западной Сибири второй половины XVIII в. (К вопросу о достоверности и информативных возможностях челобитных) // Массовые источники по истории Сибири. Бахрушинские чтения 1989 г. Новосибирск, 1989.
17. Побережников И. В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 1989.
18. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.
19. Покровский Н. Н. Начальные челобитные Томского восстания 1648—1649 гг. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 70—104.
20. Преображенский А. А. Классовая борьба уральских крестьян и мастеровых людей в начале XVIII в. // Исторические зап., 1956. Т. 58. С. 246—273.
21. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XIV.
22. Там же. Т. XV.
23. Там же. Т. XVI.
24. Там же. Т. XVII.
25. Там же. Т. XX.
26. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2.
27. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 58.
28. Там же. Д. 150.
29. Там же. Ф. 169. Оп. 1. Д. 163.
30. Там же. Д. 810.
31. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 189.
32. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1673.
33. Там же. Д. 1680.
34. Там же. Д. 1804.
35. Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 249.
36. ТФ ГАТО. Ф. 156, 1743 г. Д. 78. Л. 20 об.
37. Там же. Ф. 156, 1761 г. Д. 56.
38. Там же. 1762 г. Д. 26.

39. Там же. Д. 139.
40. Там же. 1763 г. Д. 132.
41. Там же. Д. 134.
42. Там же. Д. 165.
43. ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 227. Ч. 1—2.
44. Там же. Д. 3556.
45. Д. 3558.
46. Там же. Д. 3559.
47. Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1178.
48. Там же. Ф. 304. Оп. 1. Д. 647. Л. 102 об.